

о службе, в некоторых случаях писалась подписка. На основании представленных документов составлялся наградной список или наградной лист и издавался приказ по личному составу о присвоении звания или чина, а также представлении к награде.

Список литературы

Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.40213. Приказы, приказания, объявления, циркуляры. Коллекция.

Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.40215. Наградные листы, послужные списки и анкеты на личный состав военных учреждений, войсковых соединений и воинских частей военного ведомства

Врангель П. Н. Воспоминания Петра Николаевича Врангеля. Спб.: ООО Изд-во «Питер», 2015.

Государственность России / Словарь-справочник. Кн.6. М.: Наука, 2009. С. 43–44.

УДК 930.2

А. М. Сафронова

ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ КОРПУСА ПОДЪЯЧИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ГОРНОЗАВОДСКОГО ВЕДОМСТВА (1720—1730-е гг.)

Рассматривается вопрос об источниках формирования корпуса подьячих при казенных заводах Урала в первые десятилетия их деятельности. Показано, что в условиях удаленного от городских центров горнозаводского края комплектование учреждений заводского ведомства осуществлялось за счет перевода опытных кадров из провинциальных учреждений общего управления Казанской и Сибирской губерний, а также выпускников горнозаводских школ.

Ключевые слова: Урал, XVIII век, казенные заводы, органы управления, подьячие, источники формирования

В 1720 г. по инициативе первого начальника уральских казенных заводов В. Н. Татищева в Кунгуре было создано первое местное учреждение горного ведомства – Канцелярия горных дел, с января 1721 г. – это Сибирское горное начальство, расположившееся при Уктусском заводе, формируется система подчиненных учреждений, для которых требуются подьячие. Как констатировал Татищев в январе 1722 г.: «Подьячих имеем не токмо малое число, но и весьма плохих, которыми по нужде управляютца заводы, а в Горное вышнее начальство ни единого достойного не вижу, кроме токмо что обретающейся при мне». Поэтому он предложил требовать от Берг-коллегии, чтобы прислала из Москвы одного старого, двух молодых подьячих, при которых «можем для поредку, взяв из школ, приказным делам обучить» [Юхт, 1976, с. 189].

В первых штатах казенных заводов Урала, разработанных в ноябре 1723 г., при четырех заводах, по нашим подсчетам, числилось уже 55 подья-

ческих должностей [Геннин, 1995, с. 167–192]. Из них Петр Клушин, подканцелярист Берг-коллегии, прибыл с Татищевым в 1720 г., молодые Феокист Кузнецов, Никита Седачев были «из здешних», средний подьячий Екатеринбургской заводской конторы Евдоким Костромин был взят с Кунгура, Яков Мещеряков – из солдат, писчик Трофим Попов – «из школы», в октябре 1722 г. с новым начальником заводов В. И. Генниным прибыло двое подьячих «старой» и «средней статьи» [Геннин, 1995, с. 162, 163, 24].

В удаленном от городских центров горнозаводском крае проблему заполнения подьяческих мест в Горной канцелярии (Сибирском обер-бергамте с 1723 г.), заводских конторах решить было очень сложно. Как показал Д. А. Редин в своем исследовании, посвященном административным структурам и бюрократии Урала, комплектование канцелярских работников ведомственных учреждений в целом проводилось «по единой схеме – за счет перевода подьячих из канцелярий общего управления в канцелярии специального управления». Без этого не могло поначалу обойтись и горное ведомство, но с 1720-х гг. оно единственное начало «подготовку собственных канцелярских кадров через специальную систему образования» [Редин, 2007, с. 429]. Как это удалось горному ведомству, мы подробно раскрыли в специальной статье, посвященной роли горнозаводских школ в организации делопроизводства при казенных заводах Урала в 20-30-е годы XVIII в. [Сафронова, 2015, с. 32–56]. Но выпускниками школ можно было поначалу заполнять лишь места писчиков, копиистов, а опытных работников можно было заполучить лишь из губернских, уездных, провинциальных учреждений.

В. И. Геннину указами Сената и Берг-коллегии было дано такое право, и горное ведомство постоянно запрашивало подьячих из Сибирской губернии, Тобольской, Вятской и Соликамской провинций, магистрата Вятки, но нередко получало отказы. Так, в декабре 1722 г. уральское начальство просило Сибирскую губернскую канцелярию прислать «извычайного к приказным и розыскным делам» Петра Анфимова, присланного в Тобольск в ссылку, а если его невозможно, то Федора Ермолаева. Но получило ответ губернатора: Анфимов у дел в надворном суде, Ермолаев – в земской конторе «у щету, и за многими е. и. в. нужными, положенными на них делами, и за малолюдством подьячих отослать ...невозможно» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 26, л. 158].

В феврале 1723 г. Горное начальство просило прислать из Соли Камской двух подьячих средней статьи, но в провинциальной канцелярии оказался лишь один такой, «при делах камерирского правления». При этом сообщалось, что у них «подьячих самое малое число, а дел множество», подьячие не успевают с ними справиться, за это «на управителях правят штрафы немалыя» [Там же, л. 60].

В марте 1723 г. Геннин в промемории, адресованной «Тобольской губернской канцелярии», указал: «многократно требовано» подьячего Федора

Ермолаева, который был на Каменских заводах, когда они находились под губернской властью (а уже переданы горному ведомству), но получил от губернии «праздную отговорку», будто он определен к делу и отпустить без указа Камер-коллегии невозможно, а по именному указу и указу Сената повелевается по требованию Горного начальства отпускать, «не отписываясь». Этому и Камер-коллегия противиться не может, т. к. горные дела важны, а «ныне за недостатком обыкновенных подьячих чинитца великая остановка, к губернским же делам подьячих на одного место взять из других городов довольно можно». Геннин оговаривался, что если к нему Ермолаев прислан не будет, то он «принужден жаловатца об остановке его величеству, чтоб то на Канцелярии Горнаго начальства не взыскалось». Начальник Уральских заводов просил прислать и сосланного в Тобольск без наказания Александра Яковлева вместе с подьячим Неклюдовым. Тобольская канцелярия ответила, что Яковлев, осужденный без наказания в 1718 г. в столице, 2 апреля 1723 г. отправлен на Уктусские заводы с канониром, присланным с Уктуса на двух подводах, а Неклюдов будет отправлен, когда даст показания в суде, составит опись документов по повытьям [Там же, л. 474–475].

В ноябре 1724 г. Геннин сообщал кабинет-секретарю А. В. Макарову: «ныне ожидаю из Вяцкой провинции по указу из Сената подьячих, которые в делах тамо отправляли место камисаров» [Геннин, 1995, с. 242]. Прибыло от вятского воеводы пятеро подьячих, одного из них, Потапа Каркина, Геннин назначил к ведению заводских дел на должность подканцеляриста [Корепанов, 2006, с. 77; Геннин, 1995, с. 218]. Трое из них, Дерябин, Шанаурин и Третьяков, полмесяца в декабре 1724 г. были «у дел в ведении Берг-коллегии», с 17 декабря определены в подчинение Сибирского обер-бергамта [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 193, л. 56].

В июне 1725 г. решено было запросить Берг-коллегию, не разрешит ли она держать в подьячих тех, кто обяжется платить подушные деньги по месту прежнего жительства, если захочет жить при заводах, «понеже при заводах в подьячих имеется крайняя нужда и по Табелю комплекту не имеется». Это была определенная мера привлечения кадров извне в горное ведомство. Среди подьячих числился «чердынец» Калашников, который заплатил подушную подать в Чердыни за 1724 и 1725 гг. и его отправили переписчиком в Каменский дистрикт, где нельзя было использовать местных лиц, плативших там подать, согласно указа 1722 г. [Там же, л. 34].

Сибирский обер-бергамт в августе 1725 г. затребовал из Вятки подьячего Дьяконова на место подьячего Зверева, но получил ответ, что «за многоделием в магистрате, за сочинением прошлых лет счетов и репортов и за скудостию подьячих бут-то отпустить невозможно». Вмешалась Берг-коллегия, указом от 18 января 1726 г., полученным 20 апреля, приказала требовать Дьяконова на место Зверева. Поскольку подьячего не выслали, в августе обер-бергамту пришлось ходатайствовать, чтобы Берг-коллегия сама отправила в

магистрат Вятки указ о присылке Дьяконова, а в магистрат решено было направить дубликат промемории, прописать в нем указ Берг-коллегии, и чтобы подушные деньги за подьячего Зверева по силе этого указа уплачены были от магистрата. Обер-бергамт и сам требовал прислать подьячих «по именам», не присланных из Вятской провинции: Василия Хаустова, Ивана Филимонова, Якова Попова, из ратуши – Дмитрия Ермакова, из Верхотурья – «старого да среднего», опять-таки грозя в случае не присылки писать в Берг-коллегию, из чего «может произойти презрение имянного указа до Правительствующаго Сената» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 193, л.65; д. 194, л. 262].

29 октября 1725 г. члены обер-бергамта Р. Горчаков и К. Гордеев решили представить Геннину: «неопределенных подьячих и всякого звания письмо умеющих, кроме детей действительно служащих при церквях, велеть переписать по заводам и по дистриктам прикащикам по имянном с леты и кто у каких дел бывал, а которые не бывали, какие оне и отцы их чинов люди, в самом немедленном времени, ибо в том имеется крайняя нужда, понеже во многих местах за неимением письмо умеющих людей правление нужнейших дел остановилось» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 193, л. 107 -107 об.].

Указом Берг-коллегии от 14 ноября 1725 г., полученным 6 февраля 1726 г., разрешалось требовать из Вятской провинции четырех средних подьячих и столько же молодых, сверх того – из Сибирской губернской канцелярии и провинции Соли Камской. Обер-бергамт 1 марта 1726 г. направил туда промемории о присылке [Там же, д. 194. Л. 74-74 об.]. В марте 1726 г. при Лялинском заводе уже числилось трое подьячих, присланных с Верхотурья, видимо, на определенный срок: Пушкарев, Дмитрий Кoryтoв и Федор Коростылев. Пушкарев, прибывший ранее других, сбежал с завода, «не отдав дел». Верхотурская канцелярия, сыскав его, отправила к делам «беспеременно», т. к. из-за перемен подьячих порой дел взыскать не на ком и «счесть невозможно». Уральское начальство констатировало: Пушкарев к заводским делам уже «приобвык», вновь присланных назначить к делам тоже «беспеременно» как писчиков. Никого из них в Верхотурье «отпустить невозможно», поскольку из приписных крестьян в подьячие определить некого, а в Лялинской заводской конторе «дел прибавилось немало»: к заводу приписали 100 крестьянских дворов, и их «судом, расправою и другими делами» надо ведать заводской конторе [Там же, л. 86-86 об.].

15 июля 1726 г., заслушивая промеморию из Тобольской канцелярии о не присылке оттуда подьячих, в обер-бергамте определили: «о не даче подьячих писать в Берг-коллегию», представить, «ежели подьячих в Екатеринбург в прибавок прислано не будет, то щетов и канцелярских дел управить никоим образом будет невозможно», и послать реестр, куда сколько подьячих требуется [Там же, л. 230 об.].

В январе 1727 г., отправляя доношение Екатерине I с приложением мнения о мерах, необходимых для размножения заводов, Геннин просил о присылке «до 12 человек подьячих трезвых, понеже в том состоит самая при заводах нужда, а взять их негде и отсюда в том отказано». В апреле 1727 г. в письме кабинет-секретарю А. В. Макарову Геннин повторяет просьбу о подьячих: «школьников же за малолетством еще необучением не токомо к шетным, чего коллегия взыскивает со штрафом, ниже к другим малым делам определить невозможно, да и жаль — когда их взять от школы несовершенно обученных, то она, что обучились, понуждены будут забыть, а к новому делу вскоре необыкнуть, и по тому неинако как напрасно в школе время свое потеряют». Геннин просит при удобном случае похлопотать перед императрицей о своих просьбах, в т. ч. отдельным пунктом — о подьячих [Геннин, 1995, с. 386, 411, 413].

Судя по протоколу Сибирского обер-бергамта от 10 октября 1728 г., слушался вопрос «о присылке подьячих 18 человек из Вятской канцелярии провинциальной по силе указа Сенатской конторы». Решено было послать за ними нарочного, чтобы привезти «людей добрых и искусных [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 196, л. 422 об.]. Канцелярских служащих не хватало, хотя в 1732 г. Геннин сообщал Берг-коллегии, «у всех горных и заводских дел подьячих имеется со 130 человек» [Корепанов, 2006, с. 221].

В период второго пребывания Татищева начальником заводов (1734–1739 гг.) к 12 уже действовавшим казенным заводам прибавилось еще 7. В связи с этим открывались новые конторы, усложнялась структура Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов, заменившей Сибирский обер-бергamt. Нужда в подьячих стала остро ощущаться и в связи с большой работой по проверке приходо-расходных документов за период правления В. И. Геннина (1722–1734 гг.). В октябре 1734 г. был проведен «разбор» списков приказных людей, выяснилось, что из определенных ранее при Сибирском обер-бергамте копиистов многие «в отлучке»: двое числятся лично при Геннине, двое отпущены в Верхотурье и Вятскую провинцию; один послан к суду в Тобольск, поэтому уральское начальство постановило: требовать присылки их к делам «без промедления» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 215, л. 156].

15 июля 1735 г. на заседании Канцелярии слушался вопрос «о недостатке подьячих». Решено было писать в Сибирскую губернскую канцелярию, чтоб прислали подьячих 20 человек, «людей добрых и дельных немедля», поскольку именной инструкцией, врученной В. Н. Татищеву в марте 1734 г., предписывалось требовать ему нужных людей от губерний Казанской и Сибирской [ПСЗРИ-I, т. 9, № 6559]. Констатировалось, что хотя указом Сената приказывалось выделить Татищеву из Казанской губернии 6 подьячих, прислано было только трое из провинций Вятской и Соли-Камской, переданных в состав этой губернии в 1727 г., и один из них уже «впал в прегрешение».

Кроме того, решено было поручить гитенфервальтеру А. Порошину нанять в Москве в подьячие до 15 вольных людей [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 222, л. 70]. В августе 1735 г. в Пермской земской конторе приказывалось вместо негодного подьячего найти из вольных или чтоб «всякие работы отправлял наймом безостановочно» [Там же, д. 223, л. 110]. В сентябре 1735 г. был проведен разбор наличных подьячих, часть негодных была уволена, но некоторых пришлось на время оставить у дел, «пока пришлютца новыя подьячие из городов» [Там же, д. 224, л. 88].

4 августа 1738 г. уральское начальство заслушало докладную выписку об отсутствии комплекта копиистов в Канцелярии: их должно быть 13, а налицо 8, причем 5 из вновь определенных школьников; требовалось еще пятеро. Авторы выписки предложили назначать «вместо одного копеиста по два человека из школьников, дабы чрез то как в делах было исправнее, так и они, присмотрясь, после могли к розсылке на новые заводы быть годными». Предложение было принято: определить по два школьника на одно штатное место копииста, «если же в Канцелярию надобны будут писцы и сверх определенных подьячих, то брать школьников, сколько когда понадобится и платить им по усмотрению ис подьяческой суммы» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 762, л. 101]. Такое правило применялось на протяжении нескольких лет, и с 1738 г. поухнувшее при Татищеве массовое назначение школьников на места копиистов вспыхнуло вновь [Сафронова, 2015, с. 51–55].

Именно школы и сыграли основную роль в комплектовании копиистов в учреждениях горнозаводского ведомства. Присылка же подьячих более высокой квалификации из учреждений общего ведомства Сибирской губернии, Вятской, Соликамской, Тобольской провинций, Верхотурья была сопряжена с большими трудностями и горному ведомству в 1720-е гг. приходилось постоянно обращаться за помощью Берг-коллегии. Не горели желанием делиться своими квалифицированными кадрами и власти Казанской и Сибирской губерний в 1730-е гг., несмотря на именные и сенатские указы, предписывавшие им оказывать содействие горному ведомству.

Список источников и литературы

Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24 Уральское горное управление.

Корепанов Н. С. Геннин на Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006.

ПСЗРИ- I. СПб., 1830. Т. 9. № 6559.

Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг. Екатеринбург: Изд-во «Волот», 2007.

Сафронова А. М. Роль горнозаводских школ в организации делопроизводства при казенных заводах Урала в 20-30-е годы XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 15. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 32–56.

Юхт А. И. Деятельность В. Н. Татищева на Урале в 1720–1722 гг. // Ист. записки. 1976. Т. ХСVII. С. 182–190.

УДК 930.22

Н. А. Тарасова

ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ НАЛОЖЕНИЯ И СНЯТИЯ ПАРТИЙНОГО ВЗЫСКАНИЯ

В статье затронуты вопросы документирования процедуры наложения и снятия партийного взыскания. Одним из действенных способов соблюдения партийной дисциплины являлось партийное взыскание. Партийное взыскание представляло собой наказание за невыполнение каких-либо правил относящихся к исполнению партийных обязанностей. Чаще всего это были вопросы, связанные с недостойным поведением в быту, с использованием служебного положения, тушеядством и леностью и т. п. Для рассмотрения проступка оформлялось персональное дело, имеющее свой состав документов. Процедура снятия партийного взыскания также требовала оформления определенных документов: заявления члена КПСС, выписки из протокола собрания первичной партийной организации, характеристики. Данные документы имели свою специфику, касающуюся содержания и процедуры рассмотрения. Исследуя процедуру документирования, необходимо отметить ее схожесть с процедурой документирования снятия дисциплинарного взыскания по трудовому законодательству. Однако существовала и специфика, выражающаяся в особенностях управления кадрами в условиях жесткой централизованной партийной системы. Изучение партийных документов в позднесоветский период дает возможность выявить особенности организации кадровой работы, проследить преемственность с современными подходами к решению кадровых вопросов и существующей системой кадровой документации.

Ключевые слова: документирование процедуры наложения и снятия партийного взыскания, персональное дело, первичный документ, ходатайства перед вышестоящими партийными организациями, характеристика члена КПСС.

Одним из действенных способов соблюдения партийной дисциплины являлось партийное взыскание. Партийное взыскание представляло собой наказание за невыполнение каких-либо правил относящихся к исполнению партийных обязанностей.

Общая схема процесса привлечения лица к партийной ответственности, имела несколько стадий:

1. возбуждение дела о привлечении лица к внутрипартийной ответственности;
2. проведение партийной проверки;
3. рассмотрение дела о привлечении лица к внутрипартийной ответственности уполномоченным органом;
4. принятие решения по делу о привлечении лица к внутрипартийной ответственности;